

ДВАЖДЫ



Рябов Олег Алексеевич родился 18.07.48 в г. Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектном институте начальником снабжения,

Облкнигогорте – товароведом, Оперном театре –дежурным электриком, мясокомбинате – зам. директора, в типографии – тоже каким-то начальником. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор вышли около двадцати книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Нева», «Север», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица», «Невский альманах». Лауреат конкурса им. Шукшина «Светлые души».

В настоящее время главный редактор журнала «Нижний Новгород», член Союза писателей России.



ториев местных туда чуть ли не в цистернах привозят с гор – своих у них всего два источника. А в Марианских Лазнях этих разных по составу минеральных источников уже больше десятка, вот туда я и поехал. Этот курортный городок недалеко от Карловых Вар, чуть повыше в Рудных горах стоит, но он тоже знаменит на весь мир. Императоры, знаменитые артисты, великие писатели иной раз с последней надеждой в Марианские Лазни ехали, в Мариенбад, по-старинному если.

Поселился я в очень хорошем спа-отеле с полным набором процедур, с бассейнами, банями, водолечебницами и всем, что доктор может прописать. С доктором тоже встретился: молодой мужик лет тридцати, русский, с хорошим чувством юмора; он всё, что надо, прописал и объяснил, что и почему мне надо, а чего не надо.

Марианские Лазни в мае – высокий сезон, гуляют старухи в белых и кремовых крепдешинах, шляпках, с зонтиками от солнца, и старики такие же. С одной стороны, понимаю, что и я уже отношусь к этой возрастной категории, если меня сюда отправили восстанавливаться, а не в Сочи на Роза-хutor, на горнолыжную трассу, с другой – взглядом я толпу окидываю в надежде. И нашел! Даже больше, чем нашел, – узнал и обомлел! Она меня тоже узнала.

Но тут надо вернуться.

Договорился я лет пятнадцать назад со своими старыми друзьями, добрым супружеской парой, которых знал чуть не со школьной скамьи, съездить отдохнуть и покупаться на неделю в Коста Браво, этот участок средиземноморского побережья считается испанской Ривьерой, а как называлась деревушка, в которой располагался мой отель, я уже и не помню. Отдых у моих друзей по какой-то непонятной причине расстроился, и я поехал один – не пропадать же почти задаром доставшейся путёвке.

Отелю, в котором я остановился, кто-то когда-то присвоил четыре звезды, но

номерок мой был не краше, чем средненький: маленькая клетушка с крошечным балкончиком. Хотя и на берегу, но стоял отель на довольно высокой скале, и спускаться к пляжу надо было по крутой и узкой каменной лестнице в пятьдесят ступенек. Там, правда, и лифт был прямо на пляж, но только для технических целей. А вот кухня была отличная, по мне, как впоследствии оказалось. И дворик был оборудован замечательно – бассейн с циркулировавшей водой, шезлонги, столики с цивильными стульями, круглосуточно работающий бар и два стационарных мангала, около которых сутились восточные повара – то ли вьетнамцы, то ли китайцы, один постоянно возился со свежей рыбой, второй с мясом.

С друзьями, ещё перед поездкой, мы разработали программу отдыха на всю неделю, но так как состав команды поломался, то и режим отдыха изменился. А в плаванях был и футбольный матч в Барселоне на Ноу Камп, и посещение настоящей кориды в Мадриде. Мне теперь не хотелось осуществлять никаких затратных в плане передвижений мероприятий, а хотелось спать и запивать замечательным лёгким испанским вином сочную, только что выловленную в море и зажаренную на открытом огне рыбу. А само море меня не восхитило – забравшись туда на полчаса, я почему-то без восторга перебрался во дворик и, лежа в шезлонге, дремал около бассейна.

Я с ними познакомился в первый же вечер.

Они уселись за столик рядом с моим шезлонгом с двумя бокалами белого вина. Они пили вино, курили и по-бабы болтали – они болтали по-русски. Обе они были молоды и на мой вкус – совершенно хороши.

Той, что постарше, было лет двадцать пять, не больше, у неё был правильный овал лица, царская осанка и крупные яркие черты лица: темные волосы со стрижкой «каре», большие глаза, темными стрелами брови и яркие губы. Этот тип женщин

Возраст такой: часто в разговорах с добрыми знакомыми, да и с малознакомыми, узнаю, что многие жизненно важные решения принимаются людьми с ответственным общественным положением или в больницах, или сразу после выписки после болезни, то есть оценив всю серьёзность диагноза. Люди в таких сложных ситуациях или курить бросали, или разводились, или роман новый начинали писать – в общем, всё не шуточно разрешалось.

Я тоже как-то раз заболел, и нашли у меня всяких нехороших симптомов внутри организма вагон и маленьку тележку: перечислять – язык сломаешь. А напоследок, при выписке, врач мой лечащий, настоящий профессор и человек симпатичный лично мне, посоветовал для полной реабилитации, а болезней у меня клубок, съездить на настоящий курорт водички попить: или в Кисловодск, или в Карловы Вары, или в Мексику. Так я оказался в Марианских Лазнях.

Карловы Вары – это такая стопроцентная модная тусовка, куда приезжает молодёжь со всей Европы пивом залиться, и вот гуляют они взад-вперёд вдоль речки Теплы. Воду различную лечебную для сана-

я отношу к южнорусскому – такими, по-моему, должны быть казачки, а может, что-то и от библейской нации тут было намешано. Всё её поведение говорило об уверенности в своём положении, а плавность в движениях и о превосходстве в чём-то непонятном пока для меня.

Вторую я назвал бы скорее даже девушкой: ей не было, наверное, и двадцати, хотя это всё так условно. Она была стройна, миловидна, кокетлива и очень женственна. Её светло-русые волосы были до плеч, черты лица были мелкими, но улыбка, которая на нем регулярно вспыхивала и тут же гасла, завораживала. И фигурка у неё была такая точёная – глаз не оторвёшь. Кстати, она мне уже в первый момент напомнила чем-то новенькую, только что засветившуюся в каком-то телевизионном сериале артисточку – хотя современный макияж так меняет внешность, и не только женскую.

Обе незнакомки, которые в первый же день расположились за столиком рядом с моим шезлонгом с бокалами вина, были в пляжных купальных бикини, и я, на какое-то время просто забыв обо всём, любовался ими. Не знаю, обратили ли они на меня внимание, но очень скоро они поднялись, и, держа друг друга за руки, направились в гостиничный корпус. Не поверите – в тот же момент у меня мелькнула мысль об их нестандартных взаимоотношениях. И потом моя догадка подтвердилась.

Познакомились мы уже вечером. На небольшом невысоком подиуме, заменившем эстраду, сидел на стуле старый негр и играл на гитаре. Он и играл неплохо, и пел хриплым голосом тоже неплохо, а ещё – вокруг трещали цикады. Мои дневные сөседки были в скромных вечерних, умеренно открытых платьях и с минимальным, совсем не агрессивным макияжем. Они меня снова восхитили. Я, употребив сто пятьдесят местного бренди у стойки бара, без смущения попросился за их столик и получил твёрдое согласие. Мало того они не отказались со мною выпить, а познакомившись, я узнал, что чёрненькую зовут Марина, а русоволосую – Роза. Роза действительно работала на телевидении, а Марина преподавала сценическую речь в ГИТИСе. Меня с обоюдного согласия они решили звать Дружок – как собачку, отступился я. А дальше, они внезапно согласились осуществить совместно часть моей, уже забракованной мной, программы в виде поездки в музей Сальвадора Дали во Фигерасе. До этой деревни, где великий маэстро построил свой знаменитый замок для своих необычных коллекций, было пятьдесят километров, и не сгнить туда было непозволительной роскошью.

Мы общались и знакомились часа полтора-два, пока не закончилась вечерняя развлекательная программа, после чего обе красавицы, как по уголову, поднялись и, поцеловав меня довольно сочно в щеки, направились к себе в номер. Они шли, обнявшись, поглаживая друг друга по попам и чмокаясь в губы, словно птички клевали. Я же ещё успел подойти к дежурному на «рецепшн» и заказать напрокат машину, чтобы с утра мы могли ехать. Права у меня всегда с собой.

Утром, сразу после завтрака, я вышел на площадку перед отелем. Под акциями стоял маленький автомобильчик «Ситроен-АХ» пыльно-бурого цвета, и возраст ему был – по документам – двадцать лет. Двадцать лет – это солидно! Даже у нас в стране, куда начали свозить в те годы весь автомобильный хлам со всей Европы, я не видел такого раритета.

В этот момент и обе мои предполагаемые спутницы появились на площадке, но их эмоции разительно отличались от моих: они восторженно запрыгали и радостно завизжали

– Мы хотим сфотографироваться с этим чудом, – заявили они в один голос.

Механик от фирмы проката, приставленный к нашему средству передвижения, оказался русскоязычным, хотя и с жутким, незнакомым для меня акцентом. Он быстро накомил нас объяснил: куда нам надо ехать, а куда – нет! Лучше бы он не торопился, а точнее – я! Поболтали бы! Сколько их, наших бывших сограждан, таджиков и латышей, маются теперь без надобности по миру, ищут места, где бы приткнуться!

Бак был полон.

Навигаторов в те времена ещё не существовало, но у Марины откуда-то в руках образовался атлас испанских автомобильных дорог, и она, как я и предполагал, оказалась толковым руководителем.

– Дружок, – обратилась Марина ко мне, – давай, ты будешь водителем и механиком, а я буду штурманом? Иначе – мы никуда сегодня уедем, а тем более не доехем!

Я вынужденно согласился, и мы отправились в путь. За десять минут, что мы колесили по нашей деревне, я умудрился въехать в переулок с односторонним движением, откуда выбрался задом, царапаясь крыльями о стены домов. Потом я сумел прокопоть колесо и перебортировать его в мастерской, где нам сделали это бесплатно: там как-то угадали, что машина в аренде у иностранных туристов. И только после этого, когда мои спутницы уже вспомнили, что они умеют ругаться матом, мы выбрались к пропускному пункту, который выводил нас на дорогу, ведущую к городку Фигерасу, к замку Сальвадора Дали. Тут мы купили какой-то талончик, и нас через шлагбаум пропустили на трассу.

Таких дорог я к тому времени ещё ни разу не видел: гладкая, как зеркало, прямая, как стрела, в шесть полос. Мы разогнались до скорости сто тридцать (нас предупредили, что меньше ста десяти тут ездить нельзя!), но машины и мотоциклы, которые нас обгоняли, шли со скоростью двести или двести пятьдесят – они проносились мимо нас, как вдоль забора. В центре этой гладкой стрелы – металлические отбойники в виде стенки, по бокам – отбойники, через каждые десять километров – огороженная бордюром стоянка для отдыха, а в одном месте мы заметили, как два подъемных крана и вертолёт вытаскивают машину из кювета.

Волноваться я начал через сорок километров: мы не проехали ни одного населенного пункта! А по карте они были. Ещё через десять минут я увидел краем глаза, где-то сбоку голубенькую надпись латинскими буквами Фигерас, и сразу же разгля-

дел, что под виадуком, по которому мы пролетали, а также и немного в стороне, находится населённый пункт; наверняка это был Фигерас! Только съехать с этой дурацкой дороги, на которую мы забрались, не было никакой возможности – это была автострада Барселона – Гамбург.

Да границы с Францией оставалось двадцать километров. Мои спутницы успели несколько раз покурить, попить «кока-колы», а в какой-то момент даже обсудили – а не лучше ли сразу нам махнуть во французский Арль, в музей Ван Гога, до которого оставалось всего-то каких-то двести километров. Погода стояла замечательная, ветер свистел в дверных щелях нашего гоночного аппарата, и никаких намеков на цивилизованный спуск с трассы на второстепенные грунтовые или гужевые дороги не было.

Мы остановились в небольшом заасфальтированном кармане передохнуть, перекусить и подумать; это случилось за пять километров до границы с Францией, когда мы уже проскочили на двадцать километров наш заповедный городок Фигерас. Мои девчонки остались сидеть в машине, а у меня образовался позыв, который я решил реализовать и отошел на край площадки. То, что я там увидел, вдохновило меня и немного напугало: один пролёт ограды был выломан и под уклоном в сорок пять градусов (я, как горнолыжник, знаю, что это такое!) с площадки шел спуск на кукурузное поле, метров десять.

Обрадованный, я вернулся к своим бесшабашным спутницам. Бесшабашным потому, что они не только решительно согласились спускаться по этому склону, но и отказались выходить из машины на время спуска. Ещё час мы ехали по кукурузному полю, по испанской пыльице и по испанским буеракам до замечательного замка-музея Сальвадора Дали. Из многочисленных десятков залов и коллекций я запомнил только комнату со стенами, обитыми крыльями, отрезанными от убитых брачующихся селезней, и стенку, украшенную крыльышками бабочек, – угнетающее впечатление.

Вечером мы купались в море при Луне и шалили. Меня откровенно смущало то, что обе мои барышни заигрывали со мной, а я никак не мог сделать предпочтение, и их это занимало всё больше и больше. Потом ели бараньи ребрышки с красным вином на веранде, и шутки наши походили уже иной раз на скабрёзности, но девушек это не смущало. Прощаясь на ночь, Марина мне вдруг сказала:

– А что, Дружок, приходи к нам в номер через полчасика. У нас бутылочка шампанского, нашего, советского есть, побезобразничаем?

– Хорошо, приду, если вы приглашаете, – ответил я, наивно не задумавшись над услышанным.

В назначенное время, натянув шорты и распашонку, купив в буфете бутылку французского шампанского, я отправился к своим попутчицам в гости: можно было в спокойной обстановке обсудить сегодняшние приключения и впечатления от посещения музея гения двадцатого века. Спокойной обстановки не случилось.

Я постучал в дверь номера.

— Войдите! — раздалось из-за двери спустя минуту-другую.

Их номер действительно тянул на четыре звезды — просторный и ухоженный. Мои подружки сидели на своей широкой двуспальной кровати в позе вирасана, то есть на коленях, совершенно обнаженные и строго поглядывали на меня. Я осталబенел от увиденного чуда. Я был поражен, я не представлял себе, что так может быть оглушительна красота женского тела. Ни один эротический ролик, ни один мужской журнал не дает такого полного впечатления. Видимо, еще нужна и такая подготовка, которая имела место в моем случае.

Хотя в течение двух дней во мне и нарастал некий естественный позыв, обусловленный внешней привлекательностью обеих моих дам, но в то же время я уже мог и сформулировать за это время некие претензии: от Маринки я мог требовать большей пластики и лёгкости, а от Розы некоторых размеров и серьёзности. А сейчас, осталбенело стоя в дверях, я понимал, как это мелко, и как сильно чувство зова природы. Все размеры у моих дам были идеальны или в полной гармонии. Или это мозг мой так устроен.

Тут я почувствовал, что и сами дамы мои наслаждаются своей красотой и своим естественным совершенством, и даже то, что лобки у них были выбриты в виде маленьких треугольничков, говорило об их желании наслаждаться своими телами. Хотя бы до той поры, пока такая возможность есть. С другой стороны, я понимал и то, что существует такая примитивная вещь, как гормоны, и для меня, как для мужчин, эти объекты интересны как представители противоположного пола. А что же происходит в организмах этих дам? Там — обман? Болезнь? Или — дань моде, а дань природе придёт потом. Застывшая инфантальность и надуманный детский негативизм? А желание поиграть сейчас со мной, это — дать естественный выход накипевшему своему женскому гормональному потоку или вновь какая-то новая игра?

Мы провели замечательную ночь втроем, и выпили три бутылки шампанского. У меня такая ночь была впервые, и мне её сравнивать не с чем, а потому и делиться не буду.

Утром Марина уехала. Перед отъездом она успела заскочить ко мне в номер и шепнуть:

— Я Розочку оставляю тебе в подарок, Дружок. Береги её, люби, лелей. Чувствую я, что у вас может всё получиться, и тебе она ближе к сердцу прилегла, чем я. Может, она ко мне и не вернётся после тебя — посмотрим. Ну, а если вернётся, значит — моё счастье.

Провели мы с Розочкой очень качественную и плодотворную неделю в Испании, а потом ещё и в Париж на неделю съездили. У любого мужчины в жизни бывали такие «розочки», и не раз я вспоминал её, да только встретиться — не судьба!

Ан, нет — судьба! На то они и Марианские Лазни, чтобы встретиться там с Розочкой. Этот исторический город помнит и Гоголя, и Гончарова, и Гете, и Вагнера, а принцы всякие сюда как на исповедь перед коронацией ездили. А вот и мы с Розочкой тут.

Она подошла ко мне молча и, закрыв глаза, прижалась ко мне всем телом и плотно провела своим твердым горячим языком по моим губам. Потом открыла глаза и повисла у меня на шее. Сколько ей сейчас? Тридцать? Тридцать пять?

— Ты что здесь делаешь, Дружок? Уж не болеешь ли ты? Ты ведь нам с Маринкой здоровым нужен.

— Как с Маринкой? А вы что, с Маринкой здесь? А я вообще-то здоровый, если ты это имеешь в виду.

— Я всё имею в виду, и это тоже. И даже это в первую очередь! А у Маринки здесь в горах замок свой, и мы с ней там живём. Она ещё давно замуж вышла за одного большого, толстого и богатого политика немецкого, ещё когда во ВГИКе преподавала, а вот, когда тот узнал, что мы с Маринкой любим друг друга, то он так напугался, что о нём там кто-то в Германии что-то такое говорить будет. Он развёлся с Маринкой, и в качестве отступного подарил ей замок здесь, в Чехии, который ему, немцу, принадлежал, как наследнику каких-то там последних законных владельцев. У него этих замков несколько. Даже не подарил он этот замок, а после развода и раздела он Маринке просто достался. Мы с Маринкой устроили там музей и экскурсии водим — тем и на жизнь себе зарабатываем. Да этот немец ещё и денег полно Маринке оставил. А тебя мы как-то раз с Маринкой вспоминали. Знаешь что, хочешь Маринку увидеть? Она прекрасно выглядит, ей сейчас тридцать девять лет, она в соку. А тебе сколько? Пятьдесят? Пятьдесят пять?

— Да.

— Так что? Поедем к Маринке?

— Да, поедем.

— Сейчас наш автобус с экскурсией вернётся, и мы на нём поднимемся в замок. Только ты мне сейчас прямо скажи — что у тебя за болячки. Мы ведь здесь, на таких курортах, все становимся специалистами по болезням, хотя и не врачи.

— Да, ничего серьёзного — гастрит, холецистит и крохотная недостаточность митрального клапана.

— Я всё поняла — тебе всё можно. Я сейчас, только Маринке позвоню.

Розочка достала свой айфон и что-то там натыкала пальцем:

— Ма, я тебе сейчас подарок пришлю. Как какой? А помнишь, ты мне один раз в Испании оставила подарок, не завёрнутый в бумажку? Так вот, я тебе его нашла тут в Лазнях, и он не против с тобой пообщаться. Так что я тебе его пришлю с автобусом — люби его, лелей и ласкай. Пары дней тебе хватит? Я в Прагу сейчас махну, там какие-то бумаги надо подписать, приеду завтра. Если ты его сумеешь удержать до той поры, то и вместе поиграем. Да, Дружок, Дружок, угадала.

Она убрала гаджет в свою сумочку.

— Что, Дружок, ты всё слышал? Поедешь к Маринке в замок?

— Поеду. Только что же это? — поедем вместе!

— Нет, я хочу Маринке подарок сделать, а вот уж оставит она мне кусочек от этого торта, от тебя то есть, или нет — посмотрим. Я завтра буду.

